

Нику

Осознайте хотя бы на миг, что Жизнь и Разум имеют сугубо духовную сущность, — но никоим образом не материальную, — и тогда тело перестанет жаловаться.

*Мэри Бейкер Эдди¹,
«Наука и здоровье, с ключом
к Священному Писанию».*

В конечном счете я не умру, не теперь, но буду в реальности продолжать головокружительно жить и после смерти, прислушиваясь вполуха к реальности, в комнате, где витает аромат огня, зажженного нашей неугасимой волей.

*Тимоти Доннелли²,
«Новый разум».*

---

¹ Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) — американская писательница, общественный и религиозный деятель, в 1875 г. основала религиозное движение «Христианская наука».

² Тимоти Доннелли (род. в 1969 г.) — американский поэт и публицист.

НАУКА

1

Нельзя сказать, что я никогда не думаю о Поле. Временами он является мне перед тем, как я полностью проснусь, хотя я почти никогда не запоминаю, ни что он мне сказал, ни что я ему сказала — или не сказала. Просто мне чудится, что малыш ни с того ни с сего вдруг падает ко мне на колени — бух! И только так я понимаю, что это Пол: для него я не интересна, а привычна. В самый обычный день мы сидим с ним в Природоохранном центре, и малыш произвольно придвигается ко мне — не из любви или уважения, а просто потому, что ему еще неведом этикет признания границы между своим телом и чужим. Ему четыре годика, и он поглощен головоломкой-пазлом «Сложи сову» — так что не отвлекайте его разговорами! Я и не отвлекаю. За окном кружится вихрь тополиного пуха, бесшумный и невесомый, как воздух. Солнце уже заваливается к горизонту. А из фрагментов пазла складывается сова, которая опять рассыпается на картонные осколки, и я тычу Пола в бок: мол, вставай, нам пора идти. Пора! Но за секунду до того, как мы поднимемся, до того, как захныкать, протестуя и прося посидеть здесь еще немножко, он откинется мне на грудь и зевнет. У меня перехватывает дыхание. Потому что это так странно, понимаете? Так удивительно, хотя и печально, — сделать приятное открытие, что твое тело воспринимают как нечто привычное, близкое.

До Пола у меня был только еще один знакомый, который жил-жил и вдруг умер. Это мистер Эдлер, мой учитель истории в восьмом классе. Он носил коричневые вельветовые костюмы и белые теннисные туфли. Хотя мистер Эдлер вел у нас историю Америки, он любил рассказывать о царях. Как-то он показал нам фотку последнего российского императора — так я теперь его себе и представляю: с черной бородой¹, на плечах эполеты с кисточками, — хотя на самом деле мистер Эдлер всегда был чисто выбрит и вовсе не величав. У меня как раз был английский, а он вел четвертый урок, и его ученик вбежал к нам в класс с воплем, что мистер Эдлер упал. Мы помчались толпой по коридору и увидели, что он лежит лицом вниз, глаза закрыты, губы синие, зубы вцепились в ковровое покрытие.

— Он что, эпилептик? — спросил кто-то. — А таблетки у него есть?

Мы оцепенели. Бойскауты начали спорить, как ему правильно сделать искусственное дыхание, пока одаренные и талантливые ученики истерическим шепотом обсуждали симптомы его болезни. Я заставила себя приблизиться к мистеру Эдлеру, села перед ним на корточки и взяла в свою ладонь его сухую безжизненную руку. Было начало ноября. На коврик темным пятном растеклась его слюна, он шумно, с длинными паузами, вдыхал воздух, и я помню, что откуда-то издалека тянуло дымом костра. Где-то жгли мусор в больших пластиковых мешках — наверное, дворник избавлялся от листьев и тыквенных корок перед первым большим снегопадом.

---

¹ Черная борода была у Александра III, а не у Николая II. —
Здесь и далее прим. переводчика.

Когда санитары «Скорой помощи» наконец погрузили мистера Эдлера на носилки, бойскауты, словно стая щенков, увязались за ними в надежде получить какое-нибудь поручение. Они порывались то дверь распахнуть, то помочь с переноской тяжелых носилок. В коридоре кучковались всхлипывающие девчонки. Некоторые учителя застыли, прижав ладони к груди, не зная, что сказать или сделать.

— Это песня «Дорз»? — поинтересовался один из санитаров. Он остался раздать пакетики соленых пастилок ученицам, которым могло стать дурно. Я пожала плечами. Наверное, слишком громко напевала себе под нос. Санитар налил мне газировки в оранжевую чашку и участливо добавил: — Пей медленно. Небольшими глотками. — Слово именно меня он и приехал спасать, как будто его долгом было обезопасить от обморока любое живое существо, попавшееся ему на пути.

«Судаковая столица мира» — так мы тогда назывались. Об этом свидетельствовали дорожный указатель на десятом шоссе и фреска во всю стену в придорожной закусочной, изображающая трех исполинских судаков¹ с задорно торчащими спинными плавниками. Эти красавцы круглый год приветствовали приезжих: плавники, как пятерни, радушно растопырены, брови домиком, зубастые улыбки от жабр до жабр, — но, когда большие озера замерзали в ноябре, никого сюда было не заманить ни порыбачить, ни для чего другого. В те далекие дни тут еще не было курортного отеля — только задрипанный мотелишко. Ну, и наш деловой центр: закусочная, скобяная лавка, магазин «Все для рыбалки», банк. В те годы самой впечатляющей постройкой в Лус-Ривере, я думаю, была старая лесопилка, да и

---

¹ Судак — официальный символ штата Миннесота.

то потому как она наполовину сгорела, и обугленные черные лесины торчали над берегом. А все, так сказать, официальные заведения вроде больницы, управления регистрации автотранспортных средств, «Бургер-Кинг» и полицейский участок находились в двадцати милях дальше по шоссе — в Уайтвуде.

В тот день «Скорая» из Уайтвуда вместе с мистером Эдлером, выезжая со школьной стоянки, включила сирену. Мы все — даже наши хоккеисты в своих желтых шлемах, даже чирлидерши со своими мохнатыми помпонами — прижались к окнам и глазели. А тут как раз густо повалил снег. Когда фургон «Скорой» завернул за угол, его фары беспорядочно прорезали густую завесу снежинок, вихрем взметнувшихся над дорогой.

— Разве они не должны ехать с сиреной, — спросил кто-то, и я, аккуратно отпивая последний глоточек газировки из вошеного стаканчика, подумала: ну как можно быть таким дураком!

Мистера Эдлера заменил мистер Грирсон — он прибыл в нашу школу за месяц до Рождества. У него был темный-претемный загар — как будто он попал в наши места с другой планеты. Еще он носил в ухе золотую серьгу в виде кольца и ослепительно-белую рубашку с перламутровыми пуговками. Потом мы выяснили, что он приехал из Калифорнии, где работал учителем в частной школе для девочек на побережье. Никто не знал, какого черта его занесло в Северную Миннесоту посреди зимы, но после первой недели занятий он снял со стены развешанные мистером Эдлером карты Российской империи и повесил вместо них увеличенную копию американской Конституции. Он сообщил нам, что в колледже защитил аж два диплома по театральному искусству, что объясняло, почему он однажды встал перед классом, выбросив вперед обе руки, и про-

декламировал наизусть всю Декларацию независимости от начала до конца. Не только вдохновляющие строки про жизнь, свободу и стремление к счастью, но еще и издевательским тоном огласил весь мрачный список прегрешений тирании против колоний. Я сразу его раскусила: он прямо из кожи вон лез, чтобы понравиться ученикам.

— И что это значит? — спросил мистер Грирсон, дойдя до финальных строк, в которых говорилось о взаимном обете и незапятнанной чести.

Хоккеисты мирно дремали, подложив ладони под щеки. Даже наших одаренных и талантливых эти строки никоим образом не тронули: они сидели и шелкали автоматическими карандашами, из которых непристойно вылезали удлинявшиеся грифели — как иглы больничных шприцев. Ими они сражались друг с дружкой, точно на саблях, через проход между партами. «En garde!»¹ — надменно шептали они.

Мистер Грирсон уселся на стол мистера Эдлера. Он запыхался после своей декламации — и тут я увидела, точно его вдруг осветила яркая-яркая вспышка огня, — что ему-то уже хорошо за сорок. Я заметила испарину на его лице и быстро-быстро пульсирующую вену на шее под щетиной.

— Народ... *Ребята*... Как это понимать, что права человека самоочевидны? Ну давайте! Вы же знаете!

Я заметила, как его взгляд остановился на Лили Холберн: у нее были блестящие черные волосы, и, несмотря на холодрыгу, надет на ней был только тоненький розовый свитерок. Всем своим видом новый учитель словно бы говорил: надеюсь, твоя красота спасет меня, и, потому что ты самая красивая среди всех учениц, ты будешь добра ко мне! У Лили были большие карие глаза, ди-

---

¹ К бою! (*франц.*)

слексия, бойфренд и не было карандаша. Под взглядом мистера Грирсона ее лицо медленно запунцовело.

Лили заморгала. Мистер Грирсон кивнул ободряюще, как бы намекая на то, что его обрадует любой ответ. Она, словно олененок, шумно облизала губы.

Не знаю, зачем я подняла руку. Не то чтобы я уж так сильно за нее переживала. Или за него. Просто напряжение стало вдруг совсем невыносимым, совершенно не соответствующим ситуации.

— Это значит, что на свете есть вещи, которые не требуют доказательств, — предположила я. — Есть просто самоочевидные вещи. И их не изменить.

— Правильно! — воскликнул он с благодарностью, но не лично мне, а словно счастливому случаю. Это я умела. Давать людям то, что им нужно, причем сами они даже не подозревали о моем участии. А Лили, не говоря ни слова, могла вселить в людей надежду, заставить их почувствовать себя обласканными судьбой. У нее на щеках были веснушки, а соски сияли сквозь тонкий свитерок, как знамение Божье. А я была плоскогрудая — просто как обструганная доска. Я могла заставить людей ощутить себя заслуживающими порицания.

В тот год зима нагрянула внезапно. Она свалилась, точно выбившись из сил — да так и осталась. В середине декабря выпало так много снега, что крыша спортзала прогнулась, и занятия в школе отменили на неделю. Делать нечего — хоккеисты занялись подледным ловом. А бойскауты играли в хоккей на прудах. Потом наступило Рождество, с его гирляндами разноцветных огней, развешенными по всей Мейн-стрит, и рождественскими вертепами в лютеранской и католической церквях, которые каждый год старались переплюнуть друг друга в красоте: в одном разукрашенные мешки с песком избражали овец, а в другом младенец Иисус был вырезан

из ледяной глыбы. Под Новый год разразилась очередная снежная буря. Когда в январе возобновились занятия в школе, белоснежные накрахмаленные рубашки на мистере Грирсоне сменились неописуемыми вязаными свитерами, а в его ухе вместо золотого кольца появился стад. Кто-то, должно быть, научил его пользоваться сканером, потому что после недельного курса лекций о Льюисе и Кларке¹ он устроил нам первую контрольную по истории. Пока мы, склонившись за партами, заполняли крестиками крошечные кружочки, он расхаживал взад-вперед между рядами и шелкал кнопкой шариковой ручки.

На следующий день мистер Грирсон попросил меня остаться в классе после уроков. Он сидел за своим столом и теребил губы, которые под его пальцами трескались и шелушились.

— Ты неважно написала контрольную, — сообщил он.

Он ждал моих объяснений, и я подняла плечи, заняв оборонительную позицию. Но прежде чем я успела что-то сказать, он меня опередил:

— Послушай, мне правда жаль. — Он покрутил стад в ухе — осторожно, с усилием. — Я все еще отшлифовываю планы своих уроков. Что вы изучали перед моим переводом сюда?

— Россию.

— А! — Его скорбный взгляд тут же сменился довольной гримасой: — Канонада «холодной войны» все еще слышна в далекой провинции!

Я стала защищать мистера Эдлера:

— Мы обсуждали не Советский Союз, а царей.

— Ох, Мэтти...

---

¹ Уильям Льюис (1774—1809) и Мериуэзер Кларк (1770—1838) — американские путешественники, прославившиеся первой экспедицией к тихоокеанскому побережью в 1804—1806 гг.

Никто еще меня так не называл! Было такое ощущение, словно кто-то схватил меня сзади за плечо. Вообще мое имя Мэделин, но в школе все меня называли Линда, или Коммуньяка, или Чудачка. Я спрятала пальцы в рукавах и сжала кулаки. А мистер Грирсон продолжал:

— Никому не было дела до русских царей, пока не появился Сталин и атомная бомба. Они были марионетками на далекой сцене, ничем не примечательные, ничего не значащие... А потом такие вот мистеры Эдлеры наводнили в шестьдесят первом году колледжи, и все начали ностальгировать по старым русским игрушкам, всем этим княжнам из далекого прошлого, рожденным в кровосмесительных союзах. Их никчемность и беспомощность стали вызывать интерес. Понимаешь? — Потом он улыбнулся и чуть прищурил глаза. Передние зубы у него были белоснежные, а клыки — желтые. — Но тебе всего тринадцать...

— Четырнадцать!

— Я просто хотел извиниться, если у нас сначала все как-то не заладилось. Скоро у наших отношений появится надежная опора.

На следующей неделе он попросил меня заглянуть к нему в кабинет после школы. На этот раз он вынул стад из уха и положил на стол. Он нежно поглаживал мочку двумя пальцами.

— Мэтти, — проговорил он, выпрямившись на стуле.

Он усадил меня на синий пластиковый стул рядом со своим столом. Потом водрузил стопку глянцевых брошюр мне на колени и сложил пальцы домиком.

— Окажи мне одну услугу. Но не осуждай меня за то, что я обращаюсь к тебе с такой просьбой. Это моя работа. — Мистер Грирсон смущенно заерзал.

Вот тогда-то он и попросил меня представлять школу на олимпиаде по истории.

— Это будет просто чудесно! — с неубедительным воодушевлением воскликнул он. — Тебе надо сделать плакат. Подготовить речь про призывников во время Вьетнамской войны, про бегство дезертиров через границу в Канаду и тэ дэ и тэ пэ. А может, ты хочешь сделать доклад про осквернение святынь индейцев оджибве? Или про новые сельские поселения в этих краях? Про что-то местное, этически неоднозначное, затрагивающее конституционные основы?

— Я хочу изучать волков, — сообщила я.

— Что именно — историю волков? — Он был озадачен. Потом помотал головой и усмехнулся: — Ну, ясно. Ты же четырнадцатилетняя девочка. — Кожа вокруг его глаз собралась в морщинки. — У вас у всех пунктик по поводу лошадей и волков. Мне это нравится. Нравится! Это так необычно! Но с *чем* это связано?

Машины у моих родителей не было, и вот как я обычно добиралась домой, когда опаздывала на свой автобус. Я топала три мили по изъезженной обочине шоссе номер десять, а потом сворачивала вправо на Стилл-Лейк-роуд. Еще через милю дорога раздваивалась: левая грунтовка бежала вдоль озера на север, а правая тянулась по целине вверх по склону холма. Тут я останавливалась, засовывала джинсы в носки и расправляла отвороты своих вязаных рукавиц. Зимой деревья на фоне оранжевого неба казались набухшими ветвями. А небо между ветвями выглядело как обожженная солнцем кожа. Двадцать минут ходьбы по снегу и зарослям сумаха — и вот уже меня слышали псы и начали брехать и рваться с привязи.

В тот вечер домой я вернулась затемно. Отворив дверь хижины, увидела мать: она склонилась над раковиной, погрузив руки по локоть в чернильно-мут-